

АНАТОЛИЙ БЕВЗА

АД НА УДАЛЕНКЕ

КНИГА 3. ПОСЛЕДНИЙ ДЕДЛАЙН

Иногда пень
нужно не
уничтожить.
Принять.

ЕЩЁ
ОДНО
РЕШЕНИЕ
И Я В АДУ

В.Л.А.Д.
всегда
со мной.
И это
нормально.

HELL
PEOPLE
DEPARTMENT

КОФЕ
ГОРЧИТ.
КАК ПРАВДА.

Гавриил
777
Входящий звонок...

Патрики.
Здесь можно ад.
Просто с просекко.

18+

Анатолий Бевза
Ад на удалёнке. Книга
3. Последний дедлайн
Серия «Ад на удалёнке», книга 3

*<https://litres.ru/74540867>
SelfPub; 2026*

Аннотация

«Ад на удалёнке. Последний дедлайн» - финал серии, где Москва окончательно превращает ад в рабочий чат.

Патрики, офисы, HR, KPI, «есть минутка?», совещания, которые могли быть письмом, и Барсик - кот, который внезапно оказался рентабельнее ада. Пока Гоша снимает вирусные ролики, Марат говорит людям правду, а Люцифер осваивает пенсию, появляется Владимир. И предлагает то, от чего трудно отказаться: жизнь без выгорания, ошибок, страха и боли.

Проблема только одна - вместе с болью исчезает выбор.

У Шакса остаётся последний дедлайн. И решение, которое нельзя закрыть галочкой в Excel: уничтожить свою тень или наконец принять её.

Смешная, злая и очень московская история про работу, свободу, ошибки и право иногда просто уйти домой в 18:00.

Кофе горчит. И это честно.

Содержание

Глава 1. Утро на Патриках	4
Мир Патриков. Утро	7
Мир Патриков. День	9
Мир Патриков. Вечер	11
Глава 2. Гавриил. Девяносто дней	13
Глава 3. Филиал	19
Глава 4. Совещание, которое могло быть письмом	22
Глава 5. Марат	30
Клиентка с коучем	31
Клиент с наушниками	33
Клиентка с попугаем	34
Клиент с котом	35
Глава 6. Пятница, 18:47	36
Глава 7. Люцифер	41
Глава 8. Гоша и Барсик	45
Барсик уходит	47
Барсик и мышь	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Анатолий Бевза

Ад на удалёнке. Книга

3. Последний дедлайн

Глава 1. Утро на Патриках

Утро на Патриках начиналось с просекко.

Не для всех. Для большинства. Молодые мамы с колясками. Мужчины в белых рубашках без галстуков. Девушки с айфонами в одной руке и бокалом в другой. Одиннадцать утра. Вторник. Никто не работал. Все жили. Или делали вид.

После ночного дождя асфальт ещё блестел. От пруда тянуло сырой водой, от террас — кофе, выпечкой и дорогими духами. Такси шипели по мокрой Малой Бронной. Утки делали единственное, что на Патриках не требовало личного бренда: плавали.

Гоша сидел на лавочке у пруда. С камерой. Снимал. Утро. Уток. Людей. Собачек в колясках. Коляски с собачками. Всё, что могло зайти.

— Это Патрики, — говорил он в камеру. — Одиннадцать утра. Вторник. Никто не работает. Все пьют. И все улыбаются. Вы думаете, это рай? Нет. Это ад. Просто с просекко.

Мимо шла женщина. С собачкой. В коляске. С просекко.

— Простите, — сказала она. — Вы не подскажите, где здесь кофейня?

— Прямо. Потом налево. Там будет ад.

— Что?

— Ад. Удалённый формат. Приём по записи. Мы открылись недавно.

— Вы шутите?

— Я бес. Я не шучу про работу.

Женщина засмеялась. Потом остановилась. Потом посмотрела на Гошу. На камеру. На рога.

— У вас рога.

— Да.

— Это косплей?

— Нет. Это рога.

— Настоящие?

— Настоящие.

— Больно?

— Нет. Но растут. От стресса.

Женщина задумалась. Потом посмотрела на собачку. На коляску. На просекко.

— А у меня стресс, — сказала она. — Можно мне тоже рога?

— Нельзя. Рога врождённые. Но можно консультацию. Пять тысяч. У Марата.

— Кто такой Марат?

— Демон. Бывший. Работает на Патриках. Говорит прав-

ду. Берёт пять тысяч.

— Правду?

— Да. Что вы не в раю. Что вы на Патриках. Что Патрики это ад. Верхний. Тот, который притворяется раем.

Женщина замерла. Посмотрела на пруд. На уток. На людей. На просекко.

— Правда?

— Правда. Но вы не расстраивайтесь. Все здесь в аду. Просто не знают.

Женщина ушла. Задумчивая. С собачкой. С коляской. С просекко.

Гоша продолжил снимать. Утро. Уток. Людей. Просекко. Которое не горчит.

Мир Патриков. Утро

Гоша шёл по Патрикам. С камерой. Снимал. Не для TikTok. Для себя. Просто утро.

Мужчина в белом. С ноутбуком. Сидел на террасе. Пил просекко. В одиннадцать утра. Работал. Или делал вид. Рядом женщина. С собачкой. В коляске. С бантиком. С просекко. Смеялась. Непонятно чему.

Девушка. Лет двадцать. С айфоном. Селфи. На фоне пруда. Улыбка. Фильтр. Ещё селфи. Ещё фильтр. Ушла. Не посмотрела на пруд. Ни разу.

Мальчик. Лет пяти. С мамой. Кормил уток. Мама пила просекко. Мальчик кормил. Утки ели. Мама пила.

Старик. С газетой. Читал. Не пил. Просто читал. Единственный. Кто не пил.

Мимо прошёл мужчина. В костюме. С портфелем. С телефоном. Говорил громко.

— Да. Я на Патриках. Да. Всё хорошо. Да. Жизнь удалась. Он не пил. Не ел. Просто шёл. И говорил. И врал.

Гоша снял его. Выключил камеру. Посмотрел на пруд. На уток. На людей.

— Красиво здесь, — сказала женщина. С собачкой. С коляской. — Прямо как в раю.

Марат стоял рядом. С кофе. Из турки. Горчило.

— Да, — сказал он. — Как в раю.

Женщина ушла. Марат посмотрел ей вслед. И молчал. Потому что правда не для всех.

Мир Патриков. День

Днём Патрики менялись. Не сильно. Но менялись. Те же люди. Те же собачки. Те же коляски. Но — громче. И — быстрее.

Гоша сидел на террасе. С кофе. Из турки. Горчило. Снимал. Мужчина. Лет сорока. С ноутбуком. С Excel. В кафе. На Патриках. В два часа дня.

— Простите, — сказал Гоша. — Вы работаете?

— Да.

— Здесь?

— Да.

— Почему не в офисе?

— Офис — это ад.

— А здесь?

— Здесь — тоже ад. Но с просекко.

Мужчина засмеялся. Потом вернулся к Excel. Гоша снял. Выложил. Подпись: «Человек, который понял». Два миллиона просмотров.

Мимо прошла женщина. С коляской. С собачкой. С просекко. За ней — ещё одна. С коляской. С собачкой. С просекко. За ней — третья. С коляской. С собачкой. С просекко.

— Это парад? — спросил Гоша.

— Это Патрики, — сказала первая. — Здесь все так ходят.

— Зачем?

— Чтобы видеть. И — чтобы видели.

— Что видели?

— Что мы — счастливы.

— А вы?

— Что — я?

— Вы — счастливы?

Женщина замерла. Посмотрела на собачку. На коляску. На просекко.

— Я — на Патриках, — сказала она. — Здесь все счастливы.

— Потому что просекко не горчит?

— Что?

— Ничего. Извините.

Женщина ушла. Гоша выключил камеру. Посмотрел на пруд. На уток. На людей. На просекко. Которое не горчит.

Мир Патриков. Вечер

Вечером Патрики становились другими. Не лучше. Не хуже. Другими. Люди — те же. Но — уставшие. Или — пьяные. Или — счастливые. Или — делали вид.

Гоша шёл по Патрикам. С камерой. Вечер. Закат. Люди. Собаки. Коляски. Просекко.

На скамейке сидел старик. С газетой. Тот самый. Утренний. Он всё ещё читал. Не пил. Просто читал.

— Вы здесь с утра? — спросил Гоша.

— Да.

— Не устали?

— Нет. Я читаю.

— Что?

— Газету.

— Какую?

— «Правду».

— Она есть?

— Нет. Но я читаю.

Гоша снял. Выложил. Подпись: «Человек, который читает „Правду“. На Патриках. Вечером». Пять миллионов просмотров.

Мимо прошёл мужчина. С просекко. С телефоном. Говорил.

— Да. Я на Патриках. Да. Всё хорошо. Да. Жизнь удалась.

Он говорил то же, что утром. И — врал. Или — не врал. Гоша не понял. И — снял.

Потом — выключил камеру. Посмотрел на пруд. На уток. На закат. На людей. На просекко.

— Красиво, — сказала женщина. С собачкой. С коляской.

— Да, — сказал Гоша. — Красиво.

— Как в раю.

— Да. Как в раю.

Женщина ушла. Гоша посмотрел ей вслед. И молчал. Потому что правда не для всех.

Глава 2. Гавриил. Девяносто дней

Гавриил пришёл через два дня. В четверг. Утром. Не позвонил. Не предупредил. Просто стоял на крыльце дома в Подмосковье. В белом. С крыльями. С портфелем. Один. Без Рафаила. Без Уриила. Без комиссии.

Шакс открыл дверь. Посмотрел. Потом сказал:

— Кофе?

— Да.

— Проходите.

Гавриил вошёл. Сел за стол. Положил портфель. Открыл. Достал папку. Тонкую. Одну. Не три, как в прошлый раз. Одну.

— Где комиссия?

— Нет комиссии.

— Рафаил?

— Занят.

— Уриил?

— Смотрит в окно.

— Серьёзно?

— У него окно. Он смотрит.

Шакс налил кофе. В турке оставалось. Налил в две чашки. Поставил перед Гавриилом. Гавриил посмотрел на чашку. Потом на Шакса. Потом на чашку.

— В турке?

— Да.

— В аду была кофемашина.

— Кофемашина горчила. Турки не было.

Гавриил отпил. Помолчал. Потом сказал:

— Хороший кофе.

— Светлана варит.

— Светлана варит кофе в турке. Вы Владыка ада. У вас турка.

— Я знаю. Это ирония.

— Это жизнь.

Шакс посмотрел на него. Гавриил не улыбался. Но и не хмурился. Он был как всегда. Спокойный. Холодный. Как бумага. Но сегодня что-то другое. Сегодня он был не как бумага. Он был как человек. Который пришёл с плохими новостями и не знал, как сказать.

— Гавриил. Что случилось?

Гавриил открыл папку. Достал лист. Один. Положил на стол.

— Это решение. Не проверка. Не аудит. Решение.

Шакс посмотрел на лист. Там было мало слов. Наверху: «Решение по делу №...». Ниже: «Срок: девяносто дней». Ниже: «Условие: Владимир уничтожен. Или ад закрыт».

— Девяносто дней?

— Девяносто дней.

— Иначе закрыть?

— Иначе закрыть. Навсегда.

— Вы не можете закрыть ад.

— Я нет. Но наверху могут.

— Наверху?

— Вы знаете, где наверху.

Шакс знал. Он всегда знал. Но не говорил. Потому что говорить об этом значит признать, что над адом есть что-то. Кто-то. Кто решает. Кто закрывает. Кто назначает девяносто дней.

— Почему девяносто дней?

— Потому что год это много. Вы получили год. Вы справились. Но...

— Но?

— Но Владимир не уничтожен. Он спит. Он тихий. Но он есть.

— Я знаю.

— И наверху знают.

— Наверху знают про Владимира?

— Наверху знают всё. Это их работа. Ваша — управлять адом. Моя — проверять.

Шакс посмотрел на кофе. Потом на Гавриила. Потом на окно. На сад. На яблоню. На Барсика, который лежал на перилах и делал вид, что спит.

— Гавриил. Вы пришли один. Без комиссии. Почему?

Гавриил помолчал. Потом сказал:

— Потому что я ваш друг.

— Вы ангел-аудитор.

— Я ангел-аудитор. И ваш друг. Это не противоречие.

— Это противоречие.

— Только если вы хотите, чтобы было.

Шакс замолчал. Гавриил допил кофе. Поставил чашку. Посмотрел на неё. Потом на Шакса.

— Шакс Аркадьевич. Я не могу дать вам больше девяноста дней. Но я могу сказать вам кое-что.

— Что?

— Владимир не враг. Владимир часть. Вы это знаете. Я это знаю. Наверху знают. Но наверху хотят, чтобы вы его уничтожили. А я хочу, чтобы вы его приняли.

— Приняли?

— Да. Приняли. Не уничтожили.

— И что будет?

— Будет хорошо.

— Откуда вы знаете?

Гавриил посмотрел на чашку. Потом на Шакса. Потом на окно.

— Я ангел. Я знаю. Не всё. Но это.

Шакс встал. Подошёл к окну. Посмотрел на сад. На яблоно. На поле. На небо.

— Девяносто дней.

— Девяносто дней.

— Ладно. Девяносто дней.

Гавриил встал. Взял портфель. Пошёл к двери. Остановился. Обернулся.

— Шакс.

— Что?

— Вы не сладкий.

— Я знаю.

— Я тоже. Я бюрократ. Бюрократ тоже сладкий. Если честный.

Он ушёл. Шакс стоял у окна. Смотрел ему вслед. Гавриил шёл по дорожке. По траве. По росе. Белый костюм. Крылья. Портфель. Ангел. Аудитор. Друг.

Барсик открыл один глаз. Посмотрел на Шакса. Закрыл. Шакс набрал Светлану.

— Гавриил приходил.

— Комиссия?

— Нет. Один. С решением. Девяносто дней.

— На что?

— На Владимира. На зеркало. На принятие. Девяносто дней.

Светлана молчала. Долго. Потом сказала:

— Девяносто дней.

— Девяносто дней.

— Это мало.

— Гавриил сказал хватит.

— Гавриил ангел. У него перья. У нас кофе. Разные системы координат.

Шакс засмеялся. Тихо.

— Светлана.

— Что?

— Я боюсь.

— Я знаю.

— Это нормально?

— Для человека да. Для Владыки не знаю. Я не Владыка.

Я ведьма. Мы боимся одного.

— Чего?

— Не успеть посадить полынь.

Глава 3. Филиал

Идея была Гошина. Конечно.

Он пришёл в коворкинг. На Пятницкой. С камерой. С телефоном. С тремя пауэрбанками. И сказал:

— Шеф, нам нужен офис на земле. Ну, или хотя бы вайб офиса.

— У нас есть коворкинг.

— Коворкинг это коворкинг. А Патрики это Патрики.

— Что на Патриках?

— Люди. Красивые. С деньгами. С проблемами. С про-секко.

— И?

— И им нужен ад. Только они не знают. Они думают, что им нужен коуч. Или терапевт. Или ретрит. А им нужен ад. Потому что ад это когда ты честно говоришь: «Ты неправ». А коуч говорит: «Ты молодец». А терапевт говорит: «Как ты себя чувствуешь?» А ад говорит: «Иди работай».

Шакс подумал. Долго. Потом сказал:

— Ладно. Открывай.

— Что?

— Филиал. На Патриках. Открывай. У нас девяносто дней. Значит, успеем сделать всё неправильно, исправить и снова сделать неправильно.

Гоша замер. Потом засмеялся. Потом снял. Потом загрузил.

зил. Видео набрало два миллиона за час. Подпись: «Шеф разрешил открыть филиал ада на Патриках. Держитесь, Москва».

Москва не держалась. Москва подписалась.

Филиал открылся за день. Второй этаж. Над баром. С окнами на пруд. Табличка на двери: «Ад. Удалённый формат. Приём по записи». Мелким шрифтом внизу: «Кофе горчит. Просекко нет. Но мы работаем с честностью».

Ремонт делали бесы. Три часа. Покрасили стены. Поставили стол. Два стула. Кофемашину. Кофемашину Шакс запретил.

— Турку.

— Шеф, кофемашина...

— Турку. Кофемашина горчит неправильно. Турка правильно.

Купили турку. Медную. Чёрную. С ручкой. Поставили на плиту. Первый кофе варил Ася. С уважением. Горчил. Честно.

Первый клиент пришёл в тот же день. Девушка. Лет двадцать пять. С айфоном. С просекко. С глазами, как у человека, который не спал неделю.

— Мне нужна консультация.

— По какому вопросу? — спросил Марат.

— По моему. Я не знаю, кто я. Кринж какой-то.

— Это ад.

— Что?

— Это ад. Когда ты не знаешь, кто ты. Это ад. Верхний ад. Тот, который притворяется раем.

Девушка замерла. Посмотрела на Марата. На рога. На рубашку. На iPad.

— Вы демон?

— Бывший. Теперь консультант. Пять тысяч. Предоплата две пятьсот.

Она заплатила. Ушла. Вернулась через неделю. С подругой.

Глава 4. Совещание, которое могло быть письмом

На третий день филиала пришёл корпоративный клиент.
Не человек. Компания.

Компания называлась «Контур будущего». Делала что-то цифровое. Что именно — никто не знал. Даже сотрудники. Особенно сотрудники.

HR-директор вошла первой. Ирина. Тридцать восемь. Белая рубашка. Чёрные брюки. Ноутбук. Телефон. Второй телефон. Глаза человека, который говорит «мы одна команда» людям, чьи фамилии не помнит.

За ней вошли восемь менеджеров.

Все с кофе.

Никто не пил.

— Нам нужен командный воркшоп, — сказала Ирина.

Шакс посмотрел на Марата.

Марат посмотрел на Шакса.

Люцифер, который сидел у окна и притворялся пенсионером, поднял глаза.

— Сколько вас? — спросил Шакс.

— Восемь. Но двое подключатся онлайн.

— Они где?

— В соседнем здании.

Шакс помолчал.

— Почему онлайн?

— У них встречи.

— С вами?

— Да.

Шакс посмотрел на потолок.

— Я три тысячи лет управлял адом. Но это сильнее.

Ирина не улыбнулась.

— У нас проблема с вовлечённостью. Люди перестали проявлять инициативу.

— А вы им разрешаете?

— Конечно.

— Что было с последним, кто проявил?

Ирина замолчала.

Один менеджер кашлянул.

Другой посмотрел в телефон.

Третий открыл ноутбук.

— Его сократили, — сказал четвёртый.

— Почему?

— Оптимизация.

— Понятно, — сказал Шакс. — Инициатива есть. Инициатора нет.

Гоша включил камеру.

Ирина подняла ладонь.

— Снимать нельзя. NDA.

— Что такое NDA? — спросил Ася.

— Документ, который запрещает рассказывать, что происходит внутри компании.

Ася подумал.

— Значит, внутри происходит что-то интересное.

— Нет.

— Тогда зачем запрещать?

Ирина снова замолчала.

Люцифер улыбнулся.

— Мне нравится древнее зло. Оно задаёт вопросы, которые HR запрещено задавать.

Они сели в круг.

Ирина открыла презентацию.

Слайд первый: «Культура открытого диалога».

На слайде было двадцать семь слов.

Никто не прочитал.

Слайд второй: «Психологическая безопасность».

На слайде был улыбающийся мужчина в каске.

— Это кто? — спросил Марат.

— Стоковая фотография.

— Он работает у вас?

— Нет.

— Тогда почему он счастлив за ваших сотрудников?

Ирина закрыла ноутбук.

— Хорошо. Без презентации.

Все восемь менеджеров подняли головы. Впервые.

Шакс поставил на стол турку.

— Правило первое. Телефоны сюда.

— Зачем?

— Потому что вы пришли разговаривать.

— Мы можем разговаривать с телефонами.

— Вы можете. Но не разговариваете.

Телефоны положили на стол. Девять. У Ирины было два. Один завибрировал.

Потом второй.

Потом все.

Никто не взял.

Лица стали тревожными.

— Видите? — сказал Шакс. — Это не телефоны. Это повод не быть здесь.

— У нас работа, — сказал менеджер в синей рубашке.

— Вы сейчас на работе.

— Это другое.

— Вот в этом и проблема.

Люцифер поднял палец.

— Я хочу провести упражнение.

— Вы фасилитатор? — спросила Ирина.

— Я Люцифер.

— Это должность?

— Бывшая.

Он встал.

— Каждый скажет одну фразу, которую ненавидит слышать в офисе.

Первый менеджер сказал:

— «Есть минутка?»

Второй:

— «Коллеги, маленькая просьба».

Третий:

— «Вернусь с обратной связью».

Четвёртый:

— «Давайте синхронизируемся».

Пятый:

— «Это на пять минут».

Шестой:

— «Нам нужно быть более гибкими».

Седьмой:

— «Давайте без негатива».

Восьмой молчал.

— А вы? — спросил Шакс.

— «Мы семья».

Ирина посмотрела на него.

Он не отвёл взгляд.

Тишина стала настоящей.

Не корпоративной.

Настоящей.

Гоша выключил камеру сам.

— Почему? — спросил Шакс.

Менеджер пожал плечами.

— Потому что семья не ставит встречу на девять вечера

с темой «быстро обсудить».

Люцифер кивнул.

— Хорошо сказано. Я бы взял двенадцать тысяч. Но сегодня бесплатно.

Ирина медленно сняла бейдж.

Положила на стол.

— Я ненавижу «люди — наш главный актив».

— Почему? — спросил Марат.

— Потому что актив можно списать.

Никто не засмеялся.

Потом засмеялись все.

Не потому что смешно.

Потому что правда.

Шакс посмотрел на них.

— Вот. Уже лучше.

— Что лучше?

— Вы впервые за час не команда. Вы люди.

Менеджер в синей рубашке взял чашку.

— А что дальше?

— Дальше ничего. Вернётесь в офис.

— И всё?

— Нет. Завтра отмените одно совещание.

— Какое?

— Любое, которое могло быть письмом.

— Таких много.

— Тогда начните с самого дорогого.

— В смысле?

— Посчитайте зарплату всех, кто сидит час и молчит. Это цена встречи.

Ирина открыла калькулятор.

Посчитала.

Посмотрела.

Закрыла.

— Сколько? — спросил Гоша.

— Не хочу говорить.

— Значит, много.

— Очень.

На следующий день «Контур будущего» отменил двенадцать регулярных встреч.

Через неделю вернули четыре.

Через месяц осталось шесть.

Сотрудники называли это реформой.

Финансовый директор назвал экономией.

Ирина назвала экспериментом.

Шакс назвал нормально.

Гоша всё-таки выложил одну фразу. Без лиц. Без логотипов. Только чёрный экран и голос:

«Совещание — это место, где восемь человек подтверждают, что письмо никто не прочитал».

Москва узнала себя.

К вечеру фразу переслали в сотнях рабочих чатов.

К утру её напечатали на кружке.

К обеду кто-то продал кружку на маркетплейсе.

Люцифер потребовал процент.

— Это моя интеллектуальная собственность.

— Фразу сказал Шакс.

— Я сидел рядом. Это соавторство.

— Вы молчали.

— Иногда лучший вклад руководителя — молчать.

Шакс посмотрел на него.

— Вот это можно печатать на второй кружке.

Глава 5. Марат

Марат работал на Патриках. В рубашке. С iPad. С рогами.

Рога он не прятал. Потому что рога это стиль. И потому что клиенты почему-то больше доверяли человеку с настоящими рогами, чем человеку с бейджем «коуч».

— Это косплей?

— Нет. Это рога.

— Настоящие?

— Настоящие. Консультация пять тысяч.

К концу первой недели у Марата было семнадцать клиентов, пирог от бабушки и один отзыв на картах: «Жёстко. Но честно».

Он звонил Шаксу вечером.

— Шакс Аркадьевич. Кажется, я счастлив.

— Кажется?

— Я завтра хочу прийти снова. Наверное, счастье это когда есть зачем приходить завтра.

— Марат. Ты человек. Давно. Просто с рогами.

— С рогами нормально. Рога это стиль.

Клиентка с коучем

В среду пришла женщина лет сорока. В шубе. В ноябре. С собачкой и лицом человека, который всё решил.

— Мне нужна порча.

— На кого?

— На коуча. Он сказал: «Ты можешь всё». Я поверила, уволилась, открыла дело и разорилась.

— Он жив?

— В Дубае. Пишет посты про успех.

— Жёстко. Что хотите?

— Чтобы его снова позвали в офис. На зарплату. С KPI. Марат посмотрел на собачку. Потом на женщину.

— Это уже не порча. Это месть взрослого человека.

— И сколько?

— Пять тысяч. Но сначала напишите ему правду.

— Какую?

— «Я разорилась. Ты был неправ».

— Он скажет, что я сама виновата.

— Возможно. Тогда у вас будет две правды. Это всё равно дешевле порчи.

Через неделю она вернулась.

— Он так и написал: «Ты сама».

— И?

— Я поняла, что сама. Но он тоже. Теперь работаю офи-

цианткой. Здесь. На Патриках.

— И это хорошо?

— Это честно.

Марат налил ей кофе. Горчило. Разговор закончился.

Клиент с наушниками

В пятницу пришёл мужчина лет пятидесяти. Наушники на шее. Усталость на лице.

— Жена меня не слышит.

— Она глухая?

— Нет. В наушниках.

— А вы её слышите?

— Тоже нет.

— Тогда у вас равноправие.

Мужчина не засмеялся.

— Я хочу, чтобы она меня услышала.

— А вы себя слышите?

Он замолчал.

— Нет.

— Начните с этого. Купите наушники себе. Не чтобы спрятаться. Чтобы один раз послушать, что там внутри.

— И сколько?

— Пять тысяч.

— За совет купить наушники?

— За вопрос, который вы пять лет не задавали.

Через неделю он пришёл с женой. Она была без наушников. Он — в наушниках. Оба смеялись. Марат не спросил почему.

Клиентка с попугаем

В субботу появилась женщина с зелёным попугаем.

— Он раньше говорил. Теперь молчит.

— Сколько вы разговариваете с ним?

— Три часа в день. Рассказываю про магазин, соседку, мужа. Всё.

Попугай посмотрел на Марата и отвернулся.

— Понятно.

— Что понятно?

— Он не молчит. Он ждёт очередь.

— Попугаи повторяют.

— Этот устал повторять. Попробуйте три дня помолчать.

— Я?

— Вы. Тишина тоже разговор. Просто без вашего монолога.

Женщина открыла рот. Закрыла. Попугай впервые за встречу сказал:

— Спасибо.

Марат посмотрел на него.

— Вот. Консультация окончена.

Клиент с котом

В воскресенье пришла молодая женщина с котом в переноске.

— Он меня не любит. Он любит соседа.

— Почему?

— Сосед кормит его. Я на работе.

— Значит, кот любит еду и человека, который рядом.

Очень по-кошачьи.

— Я хочу, чтобы он выбрал меня.

— Тогда дайте ему выбрать.

— Как?

— Отпустите.

— А если не вернётся?

— Значит, вы хотели не любви. Вы хотели собственности.

Женщина заплакала. Кот зевнул.

— Вы жестокий.

— Я демон. Бывший. Пять тысяч.

Через месяц женщина вернулась без переноски. Кот сидел у неё на руках.

— Сам вернулся.

— Тогда теперь он ваш?

Женщина погладила кота.

— Нет. Теперь я его.

Марат улыбнулся. Это был лучший ответ за неделю.

Глава 6. Пятница, 18:47

В пятницу в 18:47 в филиал вошёл мужчина в костюме.

Не дорогом. Хорошем. Это разные вещи.

Он снял пальто. Сел. Положил телефон экраном вниз. Через секунду перевернул экраном вверх.

— Мне нужна консультация.

— По какому вопросу? — спросил Марат.

— Я не могу уйти с работы.

— Вас держат?

— Нет.

— Дверь закрыта?

— Нет.

— Зарплату не платят?

— Платят.

— Тогда уходите.

Мужчина посмотрел на часы.

18:48.

— Я не могу.

— Почему?

— Потому что все ещё сидят.

Марат посмотрел в окно. На Патрики. На людей, которые уже не сидели. Они стояли. Пили. Смеялись. Жили. Или делали вид.

— Кто все?

— Начальник. Команда. Финансы. Юристы.

— Работа есть?

— Нет.

— Тогда зачем сидят?

— Потому что начальник сидит.

— А начальник зачем?

— Потому что мы сидим.

Марат позвал Шакса.

Шакс пришёл с чашкой.

— Что случилось?

— Замкнутый круг.

— Какой?

— Они сидят, потому что начальник сидит. Начальник сидит, потому что они сидят.

Шакс кивнул.

— Классика.

— В аду такое было?

— Было. Только у нас вечность. Нам хотя бы некуда спешить.

Мужчина посмотрел на них.

— Что делать?

Шакс сел напротив.

— Как вас зовут?

— Сергей.

— Сергей, во сколько у вас заканчивается рабочий день?

— В шесть.

— Сейчас?

— Без двенадцати семь.

— Значит, вы уже сорок восемь минут занимаетесь благотворительностью.

Сергей моргнул.

— В смысле?

— Дарите компании своё время. Бесплатно.

— Но так принято.

— Кем?

Сергей задумался.

— Не знаю.

— Вот. Самая дорогая корпоративная политика — та, которую никто не утверждал, но все исполняют.

Сергей достал телефон.

— Я напишу начальнику.

— Что?

— «Можно я пойду?»

Шакс забрал телефон.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы взрослый человек. Взрослые не спрашивают разрешения закончить день, который уже закончился.

— А что написать?

— Ничего.

— Просто уйти?

— Просто уйти.

— Он заметит.

— Хорошо.

— Может спросить.

— Хорошо.

— Может подумать, что я не вовлечён.

— Плохо.

— Вот.

— Не для вас. Для него.

Сергей сидел ещё минуту.

18:50.

Потом встал.

— Я пойду.

— Идите.

— Страшно.

— Значит, правильно.

— Это всегда так?

— Нет. Иногда страшно, потому что глупо. Но сейчас правильно.

Сергей ушёл.

Через двадцать минут вернулся.

— Не смогли?

— Смог.

— Тогда зачем вернулись?

— Начальник пошёл за мной.

— И?

— Спросил: «Ты куда?» Я сказал: «Домой». Он посмотрел

на часы. И сказал: «Точно». И тоже ушёл.

Марат улыбнулся.

— А остальные?

— Ушли за нами.

— Все?

— Весь этаж.

Шакс посмотрел на Марата.

— Революция.

— Нет, — сказал Сергей. — Пятница.

Гоша снял только дверь. Как она открывается. Как люди выходят. Лица не снимал.

Подпись была одна:

«Самая страшная кнопка в офисе — не “удалить”. Лифт вниз в 18:00».

На следующий день ему прислали сотни видео. Москва нажимала кнопку лифта.

Кто-то в 18:01.

Кто-то в 19:12.

Кто-то впервые за пять лет в 18:00.

Один мужчина прислал видео в 23:47.

Подписал: «Я стараюсь».

Гоша не смеялся.

Он ответил: «Это считается».

Глава 7. Люцифер

Люцифер позвонил в тот же вечер. Отдельно. Не Марату. Шаксу.

— Шакс.

— Люцифер.

— Я слышал. Про Патрики. Про Марата. Про пять тысяч.

— И?

— Я хочу. Десять. За консультацию.

— Вы на пенсии.

— Пенсия это состояние. Не приговор.

— Вы Люцифер. Вы хотите работать. На Патриках. За десять тысяч.

— Двенадцать. Я Люцифер. Я дороже.

— Марат берёт пять.

— Я вдвое дороже. Я легенда. Легенда не может стоить пять. Это недопустимо.

— Двенадцать?

— Двенадцать. И эспрессо. Бесплатно. Потому что я Люцифер. И я привык.

— Ладно. Двенадцать. Но без вреда.

— Какого вреда? Я на пенсии. Я только говорю. Честно. Как Марат. Только дороже.

— И что вы будете говорить?

— То же, что Марат. Но от Люцифера. «Вы несчастны.

Потому что просекко не горчит. А я знаю. Я три тысячи лет пил кофе. Который горчит. И был счастлив. Потому что честно». Клиенты будут плакать. И платить. Двенадцать. Потому что от Люцифера дороже, чем от Марата. Хотя слова те же. Потому что легенда дороже слов.

— Вы понимаете, что это цинизм?

— Я Люцифер. Цинизм это мой продукт. Но честный. Честный цинизм дороже лживого утешения. Это маркетинг. Я знаю. Я три тысячи лет управлял адом. Маркетинг это мой профиль.

Он приехал на следующий день. С котом. Кота звали Шакс. Шакс обиделся. Потом привык. Потом смеялся. Кот был маленький. Чёрный. С жёлтыми глазами. Кот спал на коленях Люцифера. Или не спал. С котом никогда не знаешь.

Люцифер сел в баре. На террасе. С котом на коленях. С просекко. Официант подошёл.

— У нас нельзя с животными.

— Это не животное. Это кот. Его зовут Шакс.

— Нельзя.

— Он бывший Владыка ада. Он заслужил.

— Кот?

— Кот заслужил. Больше меня.

Официант посмотрел на кота. На Люцифера. На кота. Кот моргнул. Один раз. Медленно.

— Ладно. Но если мяукнет...

— Он не мяукнет. Он выше этого.

Кот мяукнул. Тихо. Один раз.

— Вот. Это не мяуканье. Это комментарий.

Официант ушёл. Люцифер отпил просекко. Не горчило.

— Я не счастлив. Я занят. Занятый Люцифер лучше счастливого.

Кот моргнул.

— Я знаю. Ты прав. Как всегда. Как Барсик. Но ты не Барсик. Ты Шакс. Кот. Мой.

Он отпил. Смотрел на Патрики. На людей. На уток. На липы.

— Знаешь. Я хочу купить турку. Потому что кофемашина не горчит. А я хочу горечи. Честной.

Кот спал.

Первый клиент Люцифера пришёл через день. Мужчина. Лет сорок. В костюме. С портфелем. С глазами, как у человека, который всё потерял.

— Я не знаю, что делать. Я работал двадцать лет. Я всё делал правильно. Я платил налоги. Я не опаздывал. Я не ошибался. Я не оправдывался. А теперь ничего. Ничего нет.

— Вы несчастны.

— Что?

— Вы несчастны. Потому что просекко не горчит. Вы пили его двадцать лет. Каждый день. После работы. И думали, что это счастье. Но это не счастье. Это отсутствие горечи. А отсутствие горечи это отсутствие жизни. Двенадцать тысяч. Приходите ещё.

Мужчина заплатил. Двенадцать. Ушёл. Вернулся через неделю. С женой.

Глава 8. Гоша и Барсик

Гоша снимал на Патриках. Каждый день. Утром улица. Днём кафе. Вечером закат. Подписи:

«Когда ты бес-блогер, а твой офис над баром на Патриках. И ты пьёшь просекко. Потому что кофе горчит. А просекко нет. Но мы-то знаем правду.»

«Рабочий день на Патриках. Клиентка плачет. Марат спокоен. Я снимаю. Барсик спит. На подушке. Которую я принёс. Для Барсика. Потому что Барсик бренд. Барсик контент. Барсик жизнь.»

«Патрики утром. Никого. Только утки. И я. С камерой. И Барсик. На руках. Потому что Барсик не ходит. Барсик ездит. На руках. Как царь.»

— Гош. Ты везёшь Барсика на Патрики?

— Шеф, Барсик сам едет. Он садится в машину. Молча. Я вожу. Он спит на подушке. Клиенты приходят. Видят Барсика. Успокаиваются. Барсик терапия. Вайб — дзен.

— Барсик кот.

— Барсик бренд. Кот бесплатно. Бренд пятьсот тысяч. В месяц. На просмотрах.

— Пятьсот тысяч?

— На просмотрах, шеф. На просмотрах. Барсик рентабельнее ада.

Шакс не нашёл, что ответить. Потому что это было прав-

дой. Барсик рентабельнее ада. Это лучшая фраза за год. Но Гоша её не загрузил. Потому что Гоша знал. Некоторые фразы не для TikTok. Некоторые для себя.

Гоша снимал Барсика каждый день. Как Барсик спит. Как Барсик ест. Как Барсик смотрит на уток. Как Барсик сидит на барной стойке. Как Барсик лежит на подушке. Как Барсик открывает один глаз. Как Барсик закрывает один глаз.

Барсик не реагировал. Барсик спал. Или не спал. С Барсиком никогда не знаешь.

Однажды Гоша снял, как Барсик сидит на барной стойке. Просто сидит. Смотрит. Жёлтыми глазами. На посетителей. Посетители замерли. Потом начали фотографировать. Потом начали гладить. Потом начали заказывать ещё просекко. Барсик сидел. Не двигался. Смотрел.

Видео набрало тридцать миллионов. За ночь. Подпись: «Барсик. На барной стойке. Смотрит. Молчит. Осуждает. Одобряет. Непонятно».

В комментариях писали:

«Кто этот кот?»

«Это Барсик. Директор по безопасности ада».

«Он смотрит мне в душу».

«Я чувствую себя грешником».

«Я заплатил за просекко, хотя не хотел. Потому что кот смотрел».

Барсик стал мемом. Барсик стал брендом. Барсик стал тем, чем не был никто. Барсик стал котом, который смотрит.

Барсик уходит

В четверг Барсик исчез.

Гоша приехал на Патрики. С подушкой. С камерой. Без Барсика.

— Шеф. Барсик пропал.

— Что?

— Я пришёл утром. Его нет. Ни на перилах. Ни на подушке. Ни в доме. Ни во дворе. Нигде.

Шакс замер. Светлана замерла. Команда замерла.

— Ищем.

Искали три дня. Гоша снимал поиски. Выложил. «Барсик пропал. Кто видел, сообщите». Тридцать миллионов просмотров. Тысячи комментариев. «Нашёлся?», «Где?», «Он ушёл навсегда?», «Это конец?»

Барсика не было.

Шакс не спал. Светлана не спала. Гоша не спал. Ася варил кофе. В турке. Каждое утро. Четыре чашки. Одну себе. Одну Шаксу. Одну Владимиру. Одну Барсику. На полке. Пятую нет. Потому что Барсик не кружка. Барсик кот. И его нет.

На четвёртый день Барсик вернулся.

Он пришёл утром. Как ни в чём не бывало. Прыгнул на перила. Сел. Посмотрел на всех. Жёлтыми глазами. И мяукнул. Один раз.

— Барсик! — крикнула Светлана. — Ты где был?!

Барсик не ответил. Он просто сидел. И смотрел.

А потом из-за угла вышла кошка. Маленькая. Серая. С тремя котятами. Один чёрный. Один серый. Один рыжий.

Барсик посмотрел на кошку. Потом на котят. Потом на Шакса. И мяукнул. Один раз.

— Ты стал отцом.

Барсик моргнул. Один раз. Медленно.

— Ты уходил. Чтобы найти их.

Барсик моргнул. Два раза.

— Ты не мем. Ты кот. У которого семья.

Барсик зевнул. Лёг. Закрыв глаза. Заснул. Или не заснул. Но рядом. С кошкой. С котятами.

Гоша снял. Выложил. Подпись: «Барсик отец. Три котёнка. Один чёрный. Один серый. Один рыжий. Барсик не бренд. Барсик кот». Видео набрало сто миллионов. За ночь.

Но Гоша не радовался. Потому что понял. Барсик не бренд. Барсик кот. Который ушёл. И вернулся. С семьёй. И это не контент. Это жизнь.

Барсик и мышь

Но настоящий Барсик не мем. Настоящий Барсик кот.

Однажды утром Шакс вышел на крыльцо. С кофе. И увидел. На ступеньке. Мышку. Дохлую. Рядом сидел Барсик. Смотрел. Ждал.

— Барсик.

Барсик моргнул.

— Это мышь.

Барсик моргнул. Два раза.

— Ты принёс мышь.

Барсик моргнул. Три раза.

— Мне.

Барсик встал. Подошёл к мышке. Подтолкнул её лапой. К Шаксу. Ближе. Посмотрел. И ушёл. На перила. Сел. Закрыл глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.